

КИТАЙ К 2013 ГОДУ СТАНЕТ СВЕРХДЕРЖАВОЙ, ЕСЛИ ТОЛЬКО ХУ ЦЗИНЬТАО ПОВЕРНЕТ ВЛЕВО

В. Попов, профессор Российской экономической школы

В конце 2012 года Ху Цзиньтао в соответствии с существующими в китайской политической системе правилами покинет пост лидера партии, а в начале 2013 года – и пост председателя КНР. Если китайская экономика будет расти теми же темпами, что и последние 30 лет, то Китай к этому времени, по любым подсчетам, оставит позади США по экономической мощи. Тайвань, видимо, станет союзным государством с перспективой в скором будущем войти в состав Китая по гонконгской модели «одна страна – две системы», страны Юговосточной Азии – 10 стран АСЕАН – завершат создание зоны свободной торговли с Китаем, в которую будут постепенно втягиваться и Южная Корея, объединяющаяся с Северной, и Япония. Восточная Азия, таким образом, с населением 2 миллиарда человек и почти 1/3 мирового ВВП будет на пути к превращению в новый центр мира, затмевающий и Европейский Союз, и США.

Такой сценарий может материализоваться, если только сохранятся высокие темпы китайского роста. А главная угроза быстрому росту исходит от возможного ослабления институтов государственной власти. Смогут ли китайские лидеры предотвратить эрозию институтов и правопорядка?

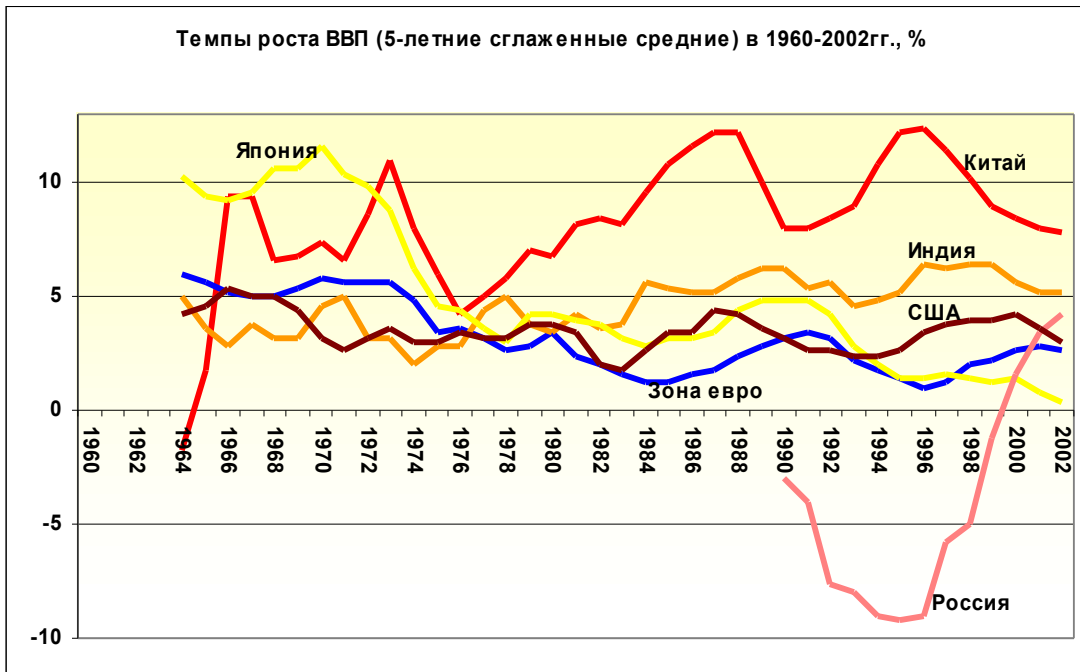
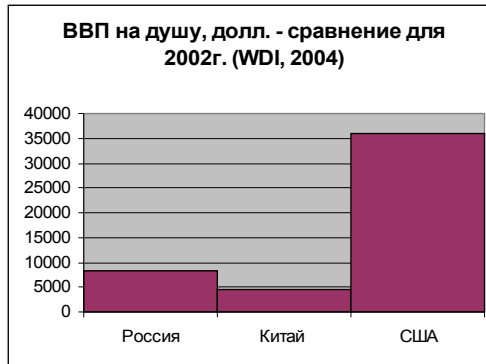
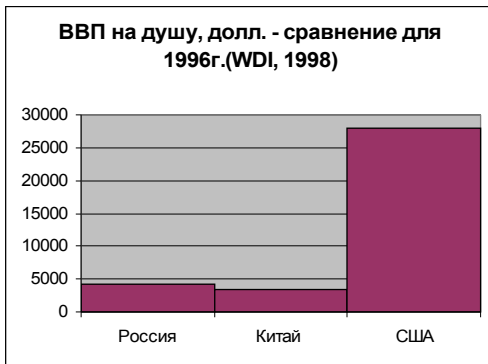
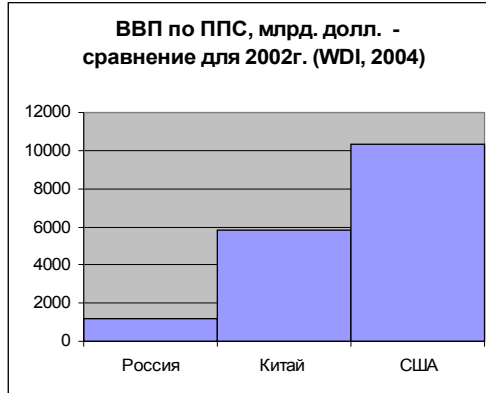
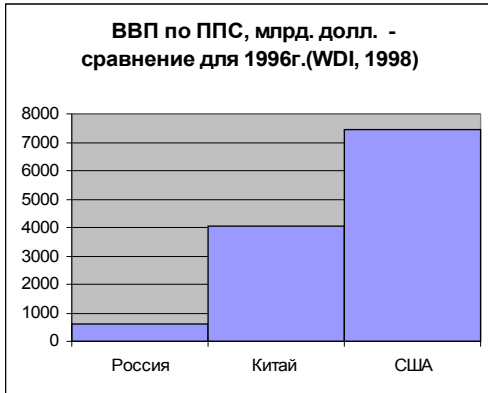
ВВП и экономический рост

Оценки соотношения уровней экономического развития все время пересматриваются, есть более и менее благоприятные. По данным Всемирного Банка менее 10-летней давности, китайский ВВП на душу населения в 1996г. составлял 12% от уровня США, а российский – 15% (см. рисунок). Экстраполируя эти соотношения (по темпам роста реального ВВП на душу), получаем, что в 2004 г. и наш, и китайский ВВП на душу составляли примерно 20% от американского уровня. Соотношение населения России, США и Китая сегодня примерно 1:2:9 (143 миллиона, 290 миллионов и 1300 миллионов соответственно), так что получается, весь китайский ВВП в прошлом году составлял 90% от американского, а наш – 10% от американского.

С тех пор Всемирный Банк данные пересмотрел: теперь получается, что наш ВВП на душу составлял в 2002г. 23% от американского уровня, а китайский – только 13%, почти вдвое ниже нашего (см. рисунок). Соответственно, на 2004г. ВВП на

душу в Китае составлял 15% от американского уровня (а наш – 25%), тогда как весь ВВП Китая – около 2/3 американского (наш – 12%).

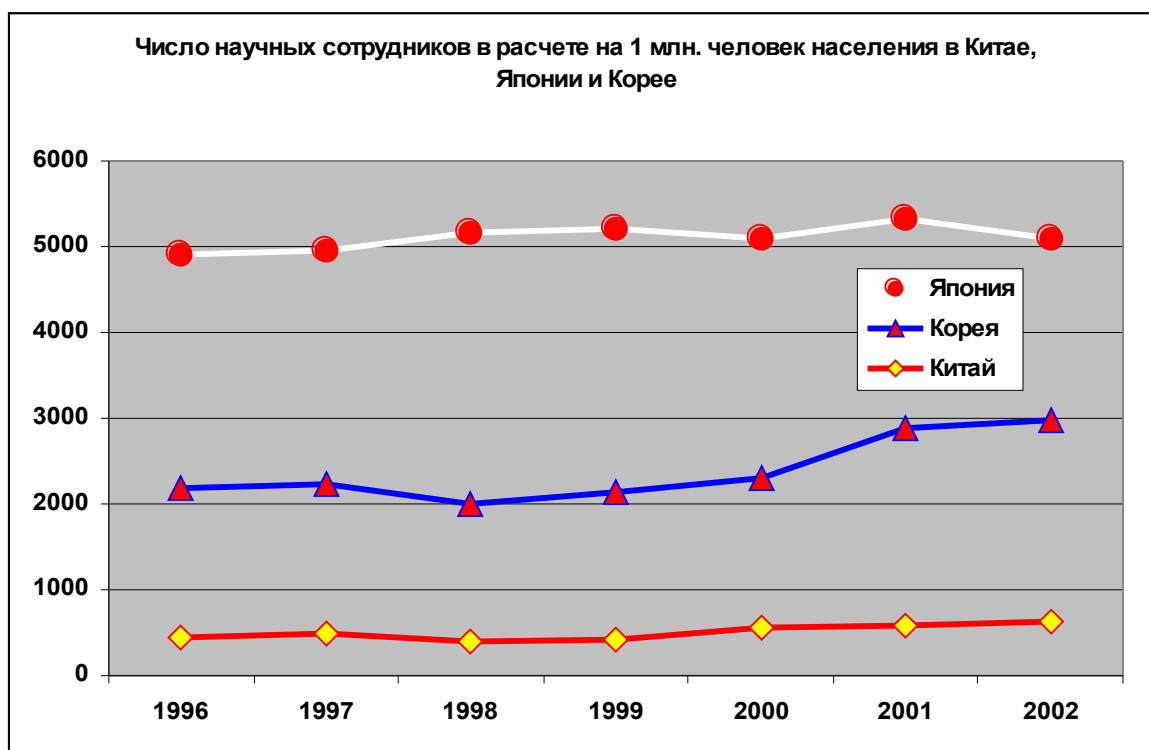
Известно, из-за чего возникают расхождения – из-за разных оценок паритетов покупательной способности, то есть уровня цен в Китае и в США (или, что то же самое, покупательной способности юаня в сравнении с долларом). Скорее всего, ВВП на душу в Китае сегодня примерно такой же что и у нас, или 15-20% от американского уровня (абсолютно точные оценки уровней, к сожалению, в принципе невозможны, хотя оценки динамики гораздо точнее). Через 20 лет при сохранении существующих тенденций (10% роста в Китае, 5% у нас и 3% в США), китайский ВВП на душу будет составлять более 60% американского и почти втрое превышать наш уровень: Китай фактически станет для нас развитой страной, как Япония, Корея, Сингапур, тогда как мы все еще будем развивающейся.

О качестве китайского роста

В прошлом году в журнале «Foreign Affairs» была опубликована статья руководителя «Shell China» Дж. Гилбоя «Миф за фасадом китайского чуда». Вывод статьи – Китай не станет серьезным конкурентом США в ближайшем и даже в отдаленном будущем, так как сильно отстает от Кореи и Японии периода 20-летней и 30-летней давности соответственно по доле наукоемких изделий в экспорте, по затратам на НИОКР, по доле наукоемких изделий, производимых отечественными, а не иностранными производителями, и т.д. В Китае происходит бурный рост без развития, технологически он еще долго будет сильно отставать от США.

Действительно, в прошлом году 55% всего китайского экспорта и 75% экспорта компьютеров и частей к ним пришлось на иностранные компании, действующие в Китае. Доля расходов на НИОКР в ВВП Китая – всего 1% против 3% в Кореи и Японии. А по числу научных работников в расчете на 1 миллион населения Китай почти в 5 раз отстает от Кореи и в 8 раз от Японии (см. рисунок).

На самом деле, Китай, видимо, просто экономит силы, используя более дешевую стратегию создания высокотехнологичного сектора, нежели в свое время Корея и Япония. Они не полагались на иностранные прямые инвестиции, а Китай полагается, так что при малых затратах на собственные НИОКР может заимствовать технологию и производить массу наукоемких изделий. По доле расходов на информационные и коммуникационные технологии в ВВП (5%) Китай уже мало уступает Корее (7%) и Японии (8%) . А по доле наукоемких товаров в экспорте изделий обрабатывающей промышленности, которая увеличилась с 6% до 23% всего за десять лет, в 1992-2002гг., почти что догнал Японию (см. рисунок).

Скоро Китаю все равно придется наращивать расходы на НИОКР, этого не избежать, но пока можно заимствовать технологию через приток прямых иностранных инвестиций, почему бы этого не делать?

Опасности

Главная угроза бурному китайскому росту сегодня исходит от ослабления институтов государственной власти и, как следствие, подрыва правопорядка, который, по практически единодушному мнению всех, с кем мне приходилось общаться в Китае – от университетских профессоров до крестьян и бизнесменов,

теперь уже не тот, что при «великом кормчем». Несомненный итог четвертьвекового правления Мао при всех его загибах и перегибах – создание независимого сильного государства с работающими институтами – признают за великое достижение даже противники маоизма.

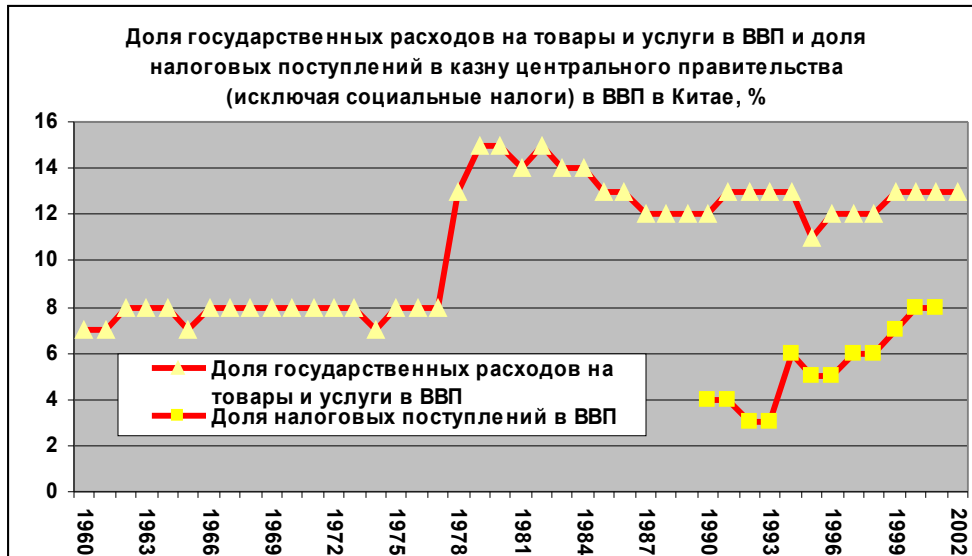
Именно при Мао в Китае были созданы сильные государственные институты, способные гарантировать права хозяйственных субъектов, собирать налоги, предоставлять общественные блага и обеспечивать закон и порядок, добиваться исполнения собственных указов и предписаний. Таких сильных государственных институтов не было в Китае, как минимум, с середины XIX по середину XX века, ни при императорах, ни при Гоминьдане; их создала только Компартия, часто авторитарными методами, но создала, взяв под контроль всю национальную территорию, прекратив внутренние войны и распри, снизив преступность до одного из самых низких уровней в мире. Впервые в китайской истории власть дошла до каждой деревни и до каждого крестьянина, так как КПК опиралась на сеть сельских ячеек и могла росчерком пера в центре менять направление движения огромной страны – такая властная вертикаль не снилась не то что Путину, но даже и Цинь Шихуанди.

В XIX веке центральное правительство Китая не могло собрать налоги в объеме более 3% ВВП против 12% ВВП в Японии сразу же после революции Мэйдзи; при Гоминьдане налоговые сборы возросли, но незначительно, составляя не более 5%, – центральное правительство тогда не могло сыграть заметной роли в экономике, даже если бы захотело – у него просто не было денег, государственные инвестиции в инфраструктуру в тот период вообще отсутствовали. Центральное коммунистическое правительство Китая начало с доходов, эквивалентных 5% ВВП в начале 50-х годов, а оставило центральную государственную казну команде реформаторов во главе с Дэн Сяопином в 1978г. с доходами 20% ВВП.

Сегодня, на 27 году китайских реформ, бесценное наследие «великого кормчего» – сильные работающие госинституты – под угрозой, ибо реформы ведут к

коррупции, к разложению госаппарата и его подчинению узкогрупповым интересам. Вопрос вопросов, от которого зависит будущее великой страны и цивилизации, – как не растерять с таким трудом и с такими жертвами выстроенную эффективную государственную власть при теперешнем переходе к рынку и демократии. Государство в Китае сейчас в опасности со всех сторон – его могут «украсть» у народа и «приватизировать» как набирающие силу доморощенные «олигархи», как провинциальные властные элиты, так и популистские группы.

Да, китайские институты все еще остаются одними из самых сильных в мире. Уровень убийств в Китае – 2 человека на 100 000 жителей – ненамного выше уровня европейских стран и Японии (1-2 человека), сильно ниже, чем в Америке (6 человек), и гораздо ниже, чем в схожих по уровню развития странах, не говоря уже о России (30 человек). В Китае ночью по городу по слабо освещенным улицам ходят спокойно и мужчины, и женщины, и к незнакомцам в темных закоулках обращаются безбоязненно. Да, расходы государства после длительного периода более медленного роста в сравнении с ВВП (1979-95гг.) стали расти быстрее, как и налоговые поступления центрального правительства (см. рисунок). Да, в Китае очень часто и строго наказывают, вплоть до расстрела, за взятки, в том числе и высших государственных чиновников. Да, в Китае все работает лучше, чем у нас – от аэропортов, вокзалов и такси до ремонта бытовой техники по гарантиям частных фирм – потому что эффективно работает государственный контроль качества, основанный на жалобах потребителей в специальные органы правительств разных уровней.

Но мы Китаю не указ, китайцы сравнивают нынешний уровень неравенства, справедливости и порядка не с российским беспределом, а со своим дореформенным периодом 30-летней давности, и это сравнение отнюдь не в пользу сегодняшних реалий. Уровень преступности сильно вырос за период реформ, так как выросло доходное неравенство. В маоистском Китае безоружные инкассаторы ездили с чемоданами денег на велосипеде или общественном транспорте, а теперь – в бронированных автофургонах, одетые в бронежилеты и каски, с карабинами наперевес. Теневая экономика и коррупция выросли в сравнении с дореформенным периодом. Государственные расходы, хоть и растут в последние 10 лет быстрее,

чем ВВП, но их все равно не хватает, так как страна стоит перед необходимостью создания современной системы социальных гарантий (в Китае и здравоохранение, и образование, даже школьное, в основном платное, а пенсии для работников негосударственных предприятий стали вводиться лишь недавно – позор для страны, называющей себя коммунистической).

Ху Цзиньтао поворачивает влево?

С новым китайским лидером простые китайцы связывают большие надежды на прекращение приватизации, ограничение коррупции и власти олигархов, укрепление социальных гарантий и социальной справедливости, которые были сильно подорваны при прежнем китайском лидере Цзян Цзэмине (генсек КПК с 1989 по 2002 год). Ху Цзиньтао начал с решительных, гласных и эффективных мер по борьбе с атипичной пневмонией в начале 2003 году – в каждом жилом квартале по всей стране появились щиты с информацией о случаях заболеваний и принятых мерах, после того как были сняты со своих постов несколько руководителей районов.

В сентябре прошлого года Комиссия по управлению и надзору за государственными активами Госсовета КНР запретила приватизацию крупных госпредприятий (свыше 2000 занятых и/или 50 млн. долларов активов) через выкуп управленческим персоналом (МВО – management buy-out), чтобы предотвратить злоупотребления (китайская печать была полна сообщений о передаче предприятий госсектора менеджерам за бесценок).

В 2004 году гонконгский экономист Лан Сяньпин опубликовал статью об успешной компании «Greencool» (производящей холодильники, кондиционеры и прочую технику) с многомиллиардными продажами, утверждая на основе анализа бухгалтерской отчетности, что за видимым успехом стоят финансовые манипуляции. 15 либеральных экономистов собрали осенью того же года конференцию в Пекине с участием руководителя «Greencool» Гу Чуцзюня, где доказывали, что компания на самом деле является успешным «примером

капиталистической реструктуризации» (эта дискуссия получила название «Лань против Гу»). Один из самых активных либеральных экономистов Чжан Вейин, помощник президента Пекинского университета с докторской степенью из Оксфорда, даже назвал своего гонконгского коллегу Лана бестыжим. Чжан Вейин, кстати сказать, является автором «теории плевка» (государственные предприятия, подлежащие приватизации, как тарелка с супом – если я туда плюну, его никто больше не съест) и «теории мороженого» (госпредприятия тают как мороженное, надо их приватизировать до того, как они совсем растают). Но в июле 2005 года Гу был арестован по подозрению в финансовых махинациях. Журналисты, конечно, бросились ко всем 15 либеральным экономистам за комментариями, но ни один из них не согласился их дать.

В 2005 году было опубликовано исследование НИИ Госсовета по реформе здравоохранения. В нем отмечалось, что реформы в этой сфере идут в направлении американской модели и не дают равного доступа к услугам медицинских учреждений широким слоям населения. Впервые реформы в такой крупной области признаны «не имеющими успеха».

Наконец, в конце июля на собрании партактива Шанхая Ху Цзиньтао, по официально не подтвержденным, но широко обсуждаемым в Китае сведениям, говорил о пяти кризисах партийного руководства. Партия не является по настоящему марсистко-ленинской, сказал он, значительная часть членов партии, а не просто меньшинство, в том числе и на самом высоком уровне, не являются настоящими марксистами, шанхайские лидеры (а предыдущее руководство Китая, Цзян Цзэминь и Жу Жунцзы, выходцы из Шанхая) слишком часто жалуются друг на друга вместо того, чтобы работать, да и разговоры о превращении Шанхая в международный космополитический центр надо прекратить, достаточно и того, что мы сделаем Шанхай экологически чистым восточноазиатским городом.

В конце 2002 года, будучи избранным лидером партии, Ху Цзиньтао произнес речь в деревне Сибайпо провинции Хэбэй, где в 1949 году сделал последнюю остановку

Мао Цзэдун перед тем как победоносно войти в войсками в Пекин. Мао тогда, в преддверии полного взятия власти и превращения коммунистов в правящую партию, завещал партийным кадрам быть скромными и осторожными. 53 года спустя Ху Цзиньтао, принадлежащий к четвертому поколению китайских лидеров, призвал не забывать об этих заветах.

Да, массовая приватизация, начавшаяся в Китае еще в 1997 году, все еще идет полным ходом, а сам Ху Цзиньтао не перестает превозносить своего предшественника Цзян Цзэминя и его теорию «трех представительств», ставшую в Китае едва ли не самой популярной темой анекдотов (КПК должна представлять передовые производительные силы, весь народ и передовую культуру). Но он уже выдвинул и свою теорию «научно-обоснованного подхода», предусматривающую устойчивое, сбалансированное (то есть с упором на экологию, выравнивание территориальных и социальных диспропорций) и гармоничное развитие. Согласитесь, звучит лучше, чем «три представительства».

Судить, конечно, рано, но не исключено, что намечающийся поворот КПК влево позволит укрепить институты госвласти и действительно добиться устойчивого, сбалансированного и гармоничного роста. Успехов Вам, товарищ Ху!